

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XVI Международный
съезд славистов

Белград, 20–27 августа 2018 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

МОСКВА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
2018

УДК 811.16
ББК 81.2
С47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик РАН *С. М. Толстая* (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН *Е. Л. Березович*,
доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
кандидат филологических наук *Г. П. Пилипенко*,
доктор филологических наук *А. А. Плотникова*,
кандидат филологических наук *М. Н. Саенко*

Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. редактор С. М. Толстая. — М.: ИСл РАН, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-7576-0417-6

DOI: 10.31168/0417-6

Книга включает доклады российских лингвистов, подготовленные к XVI Международному съезду славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.). В них обсуждаются актуальные вопросы лингвистической славистики — праславянская лексика и этимология, балто-славянские отношения, морфология и синтаксис праславянского языка, праславянское наследие в отдельных языках и группах языков, история и типология грамматических категорий, лексические и грамматические инновации в славянских языках, диалектология и ареальные связи славянских языков и диалектов, языковые и культурные контакты, семантика и символика языка народной культуры и др.

Для лингвистов и филологов широкого профиля и всех, кто интересуется славянскими языками и их историей.

УДК 811.16
ББК 81.2

ISBN 978-5-7576-0417-6
DOI: 10.31168/0417-6

© Тексты, коллектив авторов, 2018
© Российская академия наук, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I.

- Е. Л. Березович.* Славянские оттопонимические названия жителей: ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика 7
- Ж. Ж. Варбот.* Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского 35
- В. Л. Васильев.* Южнославянские связи русской северо-западной (новгородско-псковской) топонимии 41
- Т. И. Вендина.* Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства..... 60
- М. Н. Саенко.* Общие инновации в базисной лексике праславянского и прабалтийского языков 82
- С. М. Толстая.* Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение 98

II.

- Т. С. Ганенкова.* О выявлении семантических структур предлогов в южнославянских языках 119
- М. Я. Дымарский.* К принципам описания синтаксического строя русского языка 130
- О. Ф. Жолобов.* Праславянское наследие и древнерусские претериты 145
- Е. Ю. Иванова.* Да-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков 171
- М. М. Макарецев.* Да-формы в славянских идиомах Албании. К типологии албанско-славянских языковых контактов..... 206
- Я. А. Пенькова.* Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция 225
- Д. В. Сичинава.* Плюсquamперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики 244

III.

- Н. Е. Ананьева, С. С. Скорвид.* Островные западнославянские диалекты на территории России 269
- Д. Ю. Ващенко.* Кванторные слова в языках западнокарпатского региона: к проблеме языковых контактов..... 301
- К. В. Лифанов.* Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков в XX веке 316

<i>С. А. Мызников.</i> «Словарь русских народных говоров»: некоторые итоги лексикографической работы	335
<i>С. Л. Николаев.</i> К реконструкции древнерусских стихотворных текстов	351
<i>О. А. Остапчук.</i> Языковой ландшафт многоязычного региона: публичная коммуникация на украинском Подолье в начале XIX в.	383
<i>А. В. Птенцова.</i> Эволюция конструкций со значением приблизительного количества в древнерусском и старорусском языке.....	402

IV.

<i>М. М. Валенцова.</i> Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект)	417
<i>К. В. Осипова.</i> Этнолингвистическое изучение народных традиций, связанных с пищей (на примере русских и инославянских культурно-языковых данных)	436
<i>А. А. Плотникова.</i> Карпато-балканские этнолингвистические параллели	453
<i>И. А. Седакова.</i> Концепт «любовь» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале)	472
<i>Е. С. Узенёва.</i> Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология народной культуры.....	490
<i>О. В. Чёха.</i> Мотивационные модели названий лунных фаз в языках балканских славян и их соседей	511
<i>М. В. Ясинская.</i> Мотивы, связанные со зрением, в похоронно-поминальной обрядности славян: этнолингвистический аспект	527

СЛАВЯНСКОЕ ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ

В работе пойдет речь о конструкции, иначе называемой предбудущим, объединяющей показатели футурума и предшествования моменту референции. Предбудущее в системе глагола среди славянских языков имеют только современные сербохорватский, болгарский и македонский:

(1) Сербохорв. *Будете ли лети хладовали, ви ћете зими гладовати.* 'Если летом **прохлаждались**, зимой будете голодать' [Стевановић 1986: 684];

(2) Болг. *Нека ме вземе и убие — **ще** ме **е** убил той...* 'пусть меня возьмёт и убьёт — меня уже **убил** он' (В. Мутафчиева) [Ницолова 2008: 315];

(3) Макед. *Дури ти да дојдеш, той **ќе** ја **има** решено таа работа.* 'Когда ты придешь, он уже **решил** это дело' [Lunt 1952: 99].

Ограниченное в настоящее время только Балканами, второе будущее в более ранний период засвидетельствовано практически во всех славянских языках, которые унаследовали его еще из праславянского¹, ср.:

(4) Старосл. ...прѣклонитъ сѧ н падеть егѣда **оудоваѣль вждеть** оувогымъ. '...преклонится и падет, когда **одолеет** бедного' (Пс. 9, 31) [Син.Пс.: 14];

(5) Древнечеш. *Shřěši-li v tobě bratr tvůj, jdi a treskci jej, uposlúchá-li tebe, **získal budeš** bratra tvého.* 'Согрешит ли против тебя брат твой, иди и обличи его, послушает ли тебя, значит, тем самым ты **приобрел/приобретешь** брата своего' (Mat. 18, 15 EvZimm.) [Gebauer 1958: 426];

¹ Форма, восходящая к праславянской, но утратившая ретроспективность, известна в польском, кашубском, словенском, кайкавском сербохорватском, русинском, западноукраинских и восточнословацких говорах.

Яна Андреевна Пенькова,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ: проект № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

(6) Древнерус. Ты, Нестере, про чнцѣкъ прншлн ко мнн грамоту, с кнмъ **будешъ послаалъ**. ‘А ты, Нестер, про шишак пришли мне грамоту, с кем **пошлешъ/послалъ**’ (БГ № 358) [Зализняк 2004].

До сих пор подробных исследований славянского второго будущего на материале славянских языков не предпринималось. Среди работ, выходящих за рамки одного языка, можно назвать монографию Х. Кржижковой [Křížková 1960: 76–108, 156–173], рассматривающей предбудущее на материале древних западнославянских языков, старославянского и древнерусского, статью К. Рёслера, посвященную перифразам футурума [Rösler 1952], диссертацию [Migdalski 2006] о синтаксисе аналитических форм в славянских языках, работу [Todorović 2007] о способах выражения будущего в славянских языках и [Војводић 2014] о грамматикализации будущего времени в сербском, русском и польском языках.

Обзор литературы по второму будущему в старославянском, древнерусском, древнецерковнославянском см. в [Пенькова 2014, 2017]. Исследования по предбудущему в современных сербохорватском и болгарском многочисленны, их подробное освещение выходит за рамки возможностей данной статьи (см., например, [Movchan; Vuković 2014]). Несмотря на большое количество частных работ, существует еще очень много белых пятен на семантико-синтаксической, диахронической и типологической карте предбудущего (вне языков Европы оно вовсе не исследовалось).

Целью настоящей работы является частичное восполнение данного пробела в славистике: описание структурных особенностей, семантики и диахронической эволюции второго будущего в славянских языках в сопоставлении с его структурными соответствиями в других европейских языках. Материалом исследования послужили славянские памятники XI–XVIII вв.², грамматики современных славянских языков и электронные ресурсы (параллельный русско-болгарский корпус, интегрированный в НКРЯ, НКБЯ, РК). Особое внимание к диахроническим данным позволило проследить семантическую и структурную эволюцию предбудущего.

Структурные особенности второго будущего в славянских языках

В славянских языках предбудущее связано с системой перфекта — синхронно или исторически, если семантический перфект оказывается утрачен (например, в древнерусском). Однако формальные особеннос-

² Рамки данной статьи не позволяют представить полный перечень изученных источников.

ти второго будущего в конкретных языках имеют довольно существенные различия. Можно выделить следующие структурные типы:

Сербохорватский (общеславянский) тип: перфективный презент от основы *bqd-* + *l*-форма. Второе будущее образуется по данной модели в литературном сербохорватском и в большинстве древнеславянских языков, унаследовавших эту конструкцию из праславянского: старославянском, среднеболгарском, древнехорватском/древнесербском, древнерусском, староукраинском, старобелорусском и древнечешском (вопрос о существовании предбудущего в древнепольском в дописьменный период требует отдельного рассмотрения, см. ниже). Полное отсутствие свидетельств о предбудущем в глагольной системе демонстрируют только полабский, верхне- и нижнелужицкий [Andersen 2006], не имеющие, однако, древней письменной традиции.

Особую разновидность данного типа представляют конструкции с приставочным вспомогательным глаголом от основы *узбуд-*, изредка встречающиеся в штокавских текстах XVII–XIX вв. (о формах презенса с приставкой *уз-* см. [Стевановић 1986: 695–696]).

Болгарский (севернобалканский) тип. В исконной системе второе будущее несимметрично аналитическому будущему первому (с вспомогательным ‘хотеть’ и под.), т. е. не соотносится ни с одним из аналитических способов образования футурума³, но, напротив, коррелирует в большей степени с перфективным презентом, также осуществлявшим референцию к будущему, и с перфектом и плюсквамперфектом. Южнославянские языки стремятся преодолеть эту асимметрию с футурумом и соотнести второе будущее не только с системой перфекта, но и будущего времени. Так, в современном болгарском языке *бъда* перестал функционировать как вспомогательный глагол для образования предбудущего, хотя еще в языке XIX в. такая форма встречается [Мирчев 1963: 203]. В современном болгарском предбудущее уже структурно перестроилось по модели футурума с частицей *ще*: *ще бъда / ще съм (няма да при отрицании) + л-форма* (см. пример выше). Заметим, однако, что *бъда* практически вышел из употребления в данной конструкции [Ницолова 2008: 313], хотя его по-прежнему фиксируют грамматики болгарского языка. Так, в параллельном русско-болгарском корпусе будущее предварительное встречается только с *съм* (условное обозначение для всех лиц).

Болгарская модель образования предбудущего структурно соответствует румынской, в которой второе будущее также включает вспомогательный ‘быть’ в форме аналитического будущего и причастие: *Veî fi visa-t* — быть-FUT.2SG спать-PART.

³ Аналитическое будущее типа «буду + инфинитив» возникает в славянских языках позднее, не ранее конца XIII в.

Сербохорватское второе будущее также обнаруживает некоторую тенденцию к перестройке по *севернобалканской* модели, однако формы с вспомогательным *бити* в форме будущего времени признаются периферийными и не в полной мере литературными:

(7) Сербохорв. *Биће пао снег. 'Вероятно, выпал снег'* [Стевановић 1986: 631];

(8) Сербохорв. *Кад се поново видимо, ја ћу бити положио све испите. 'Когда мы снова увидимся, я уже сдам все экзамены'* [Там же].

Такие формы зафиксированы и в более раннюю эпоху — уже в старочакавских памятниках [Rösler 1952: 116] и спорадически в штокавских грамотах XVII–XIX вв. Современный сербохорватский (по крайней мере в части штокавских, в средне- и южночакавских говорах⁴), таким образом, имеет фактически два способа образования предбудущего.

Две формы в сербохорватском распределены стилистически и отчасти семантически. Конструкция типа *ће бити* + *л-форма* представляет собой, согласно [Стевановић 1986: 630–631], модальную разновидность перфекта, употребляющуюся в основном в значении эпистемической возможности, дубитативности или даже апрехензивности. Основная форма предбудущего — *футур други* — употребляется, как правило, в условных и временных придаточных для обозначения будущей ситуации, предшествующей или одновременной ситуации в главном предложении, чисто модальные употребления для этой конструкции ограничены [Стеванович 1986: 692].

В болгарском наблюдается во многом сходная тенденция противопоставления модального предбудущего и чисто таксисного. Конструкцию типа *ще съм* + *л-форма* одновременно можно отнести в парадигму изъявительного наклонения (как футуральный перфект) и в парадигму презумптива [Герджиков 1984: 121–130; Иванова 2016]. Иными словами, в презумптивном значении могут употребляться две конструкции: *ще съм* + *л-форма* (предбудущее или презумптив без частицы *да*) и презумптив в перфекте с *да*, ср.:

(9) Болг. «*Окраде Русия*» — *казват. Как така ще е окрал Русия? От хазната ли взема пари?* — «Обокрал Россию», — отвечают. Как это **обокрал** Россию? Берет деньги из казны? (Александър Литвиненко. (Здравка Петрова, 2003)) [НКРЯ];

(10) Болг. *Не ще да са го пратили от добро да работи.* — Не с добра, **видно, послали** работать-то. (Н. Островски. (Людмил Стоянов, 1944)) [НКРЯ].

⁴ Автор сердечно благодарит Мислава Бенича за предоставленную информацию о ситуации в современных чакавских говорах.

Частица *да* не является строго обязательной для презумптива, который, однако, не всеми болгаристами признается как отдельное наклонение⁵. Как следует трактовать подобное употребление: как омонимию или грамматическую многозначность предбудущего? Ограничимся пока констатацией того, что и в болгарском имеет место та же тенденция, что и в сербохорватском, — развести разные функции предбудущего: темпоральную и модально-эвиденциальную.

Македонский (южнобалканский) тип во многом отличается от двух предыдущих и представляет собой аналитическое будущее от вспомогательного глагола ‘иметь’ в соединении с неизменяемым причастием, формально омонимичным форме среднего рода (например, *ке имам дойдено*). Такая форма является калькой арумынского предбудущего, да и в целом вся система перфекта с вспомогательным ‘иметь’ соответствует арумынской системе перфекта (см. [Gołąb 1984: 133–135]). Старый македонский перфект с вспомогательным ‘быть’, в свою очередь заимствованный арумынским, развивает эвиденциальные употребления [Конески 1982: 459–475].

Македонский тип структурно соответствует модели предбудущего в других балканских языках: новогреческом и албанском, которые используют неизменяемые частицы *џа* и *до* соответственно, восходящие к формам глагола ‘хотеть’, в соединении с вспомогательным ‘иметь’ и причастием. Арумынский также образует предбудущее по модели *аналитическое будущее вспомогательного глагола ‘иметь’ + неизменяемое причастие* [Бара и др. 2005: 179] (заметим, впрочем, что эта же модель присутствует и в болгарском, однако только для отрицательных форм предбудущего).

Семантические разновидности, синтаксические типы употребления предбудущего и эволюция⁶

1. В работах, посвященных перфекту, предбудущее рассматривается обычно как транспозиция перфекта в план будущего, а его значение признается чисто композиционным: **результативность в будущем / предшествование в будущем**. При этом в первом случае обстоятельство времени указывает не на время события, а на момент наличия состояния, ср. пример из современного болгарского языка:

⁵ Согласно другим подходам, форма признается модальным употреблением будущего предварительного [Маслов 1981: 360] или перфекта [Андрейчин 1978: 206], или «предположительным наклонением» наряду с конклюдивными формами [Пашов 1999: 190–196].

⁶ Рассматриваются только наиболее часто встречающиеся конструкции.

(11) Болг. *След двајсет години **ще съм го забравил***. ‘Через двадцать лет я его **забуду**’ [Иванова 2016] со ссылкой на [ГСБКЕ 1983: 349].

Примеры такого употребления предбудущего фиксируются и в древнеславянских памятниках, однако чрезвычайно редко (на весь огромный корпус исследованных текстов лишь два-три надежных случая), ср.:

(12) Древнерус. *да занеже не будетъ в то время мужа добра, нъ всн **будоуть погыбан***⁷. ‘Потому не будет в то время хорошего человека, но все **будут погибшие**’ [ЖАЮ: 5316–5317].

2. Таксисное значение **предшествования будущего события другому событию в будущем** является прототипическим для предбудущего в языках Европейского языкового союза (в составе, определенном в [König, Haspelmath 1999]). Именно так описывается основное значение этой формы в грамматиках европейских языков, например:

(13) Португал. *Quando chegares, já **terei partido***. ‘Когда ты приедешь, я уже **уюду**’ [Oliveira 1995: 111];

(14) Итал. *Alle 5 di domani **sarà già uscito***. ‘Завтра в 5 он уже **уйдет**’ [Squartini 1995: 126].

Очевидно, типичными для чисто таксисных употреблений являются контексты предбудущего с обстоятельством времени или придаточным времени. Последнее в данном случае обозначает момент, до которого произойдет событие, как в примерах выше и в (15):

(15) Болг. *Ще съм вече надолу по реката. До вечерта **ще съм излязла в открито море***. ‘Я уже буду внизу по течению реки. До вечера я уже **выйду** в открытое море’ (Колелото на времето 4) [НКБЯ].

Можно говорить о том, что предбудущее в современном болгарском языке перестроилось под общеевропейскую модель, так как таксисные употребления для этой конструкции вполне типичны. Характерны для него и вторичные презумптивные употребления, также регулярные для предбудущего в подавляющем большинстве европейских языков (за исключением, пожалуй, английского) и в балканских языках (в частности албанском, румынском, новогреческом). Условимся называть данный семантический тип *новым* славянским предбудущим в противоположность *старому*, восходящему еще к праславянской системе.

Старое славянское предбудущее, напротив, почти не знает чисто таксисных употреблений, подобных примеру из современного болгарского. Нетипичны такие контексты и для предбудущего (*футур други*) в современном сербохорватском [Стевановић 1986], которое, очевид-

⁷ О различном категориальном статусе л-форм (претерит/причастие-прилагательное) см. ниже.

но, сохраняет генетическую связь с предшествующим периодом и на структурном, и на семантическом уровне.

3. Контекст **условного протазиса** следует признать одним из основных типов употребления *старого* предбудущего в славянской письменности:

(16) Старослав. ...н мѣтва вѣрна сѣсетъ болащаго, н нсцѣантъ н Гѣ, н аще грѣхы **будеть сътворнаъ**, ѿтдадаться емоу. ‘и молитва веры спасет больного, и исцелит его Господь, и если [окажется, что он] совершил грехи, то они будут отпущены’ (Иак. 5, 15) [Апост.Христ.];

(17) Древнерус. ...ѡже сѧ гдѣ **вуду ѡписсалъ**. нлн **переписсалъ** нлн **не дописсалъ**. ѹтнте нсправнава Ба дѣла. ‘Если я где-нибудь описался, или написал лишнее, или не дописал, читайте, исправляя ради Бога’ [СЛ: 173];

(18) Стародубровн. *Ma pokora ufan'e mi dava uzdano primit platu rajskijeh, ako za n'u oprostio moj Bog bude grijehе moje i bude mi dopustio milosrdje sveto svoje*. ‘Моя епитимья дает мне надежду получить награду на небесах, если за нее простит мой Бог грехи мои и допустит до милосердия Своего света’ [Zima 1887: 247–264].

Обычно чисто таксисные и условные употребления не разграничиваются в исторических и современных грамматиках славянских языков и других более частных работах при описании семантики предбудущего, ср., например, [Večerka 1993: 180; Andersen 2006(a)]. Условные контексты, однако, принципиальным образом отличаются от описанных выше в п. 1–2. Во-первых, событие в протазисе далеко не всегда, хотя и часто, хронологически предшествует событию в аподосисе, ср. пример из [Comrie 1985: 73]: *If it rains tomorrow, we'll have worked in vane yesterday*. Во-вторых, европейские языки строго делятся на те, в которых футуральные формы возможны в условном протазисе⁸, и те, в которых такое употребление неграмматично (так называемое *present eventive constaint*). Так, предбудущее не употребляется в условном протазисе в большинстве неславянских языков средневропейского стандарта. *Новое* предбудущее в современном болгарском, согласно [Ницолова 1998], хотя и может находиться в условном протазисе, однако, в отличие от сербохорватского предбудущего, такое употребление не является для него типичным (исследовательница приводит комбинации, наиболее часто встречающиеся в условных конструкциях, среди которых нет условного протазиса с будущим предварительным).

⁸ При этом условные придаточные следует отграничивать и от придаточных времени, так как существует более жесткое ограничение на употребление будущего времени в первых в сравнении с вторыми: если футурум может употребляться в условном протазисе, он также возможен и во временных придаточных, но не наоборот [Hedin 2000: 330].

Напротив, для древних славянских языков и для литературного сербохорватского именно условный протазис — одна из основных сфер употребления второго будущего, и это сближает их с турецким и другими языками, имеющими особое условное наклонение для выражения реальной посылки, а также с латинским языком, в котором второе будущее также широко употреблялось в условных придаточных [Ernout 1972: 375].

Еще более показательна в этом отношении ситуация в португальском языке, который имеет два футуральных перфекта, один в системе индикатива (13) и один в системе конъюнктива:

(19) Assim que **tiveres arranjado** o moinho... deixas-me de todo? ‘Как только ты **установишь** мельницу... оставишь меня совсем?’ [Sten 1973: 290].

И если для индикативной формы характерны таксисные употребления, то футуральный перфект конъюнктива, как и *старое* предбудущее в славянских языках, типичен как раз для условного протазиса и других зависимых предикаций [Там же: 260–261; 290]. Типологически сходные особенности демонстрирует условное наклонение в агульском, различающее формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Последние характерны для тех же синтаксических структур, что и славянское предбудущее: условных, определительных и косвенного вопроса (см. подробно в работе [Майсак, Мерданова 2004]).

Придаточные определительные не менее типичны для старого славянского предбудущего, чем условные⁹. Представляется целесообразным, однако, не выделять их как отдельный тип употребления, а рассматривать здесь в одном ряду с условными, поскольку и те, и другие имеют общее происхождение — развиваются из вопросительных (общего или частного вопроса).

Итак, два основных типа употребления старого славянского второго будущего — это зависимые предикации условного или близкого к условному характера. Только таким образом функционирует предбудущее в древненовгородском диалекте. Условные и определительные придаточные — преимущественная сфера употребления предбудущего в древне- и старорусских памятниках, как собственно русских, так и церковнославянских. Довольно высока доля такого рода контекстов и в древнечешских, среднеболгарских, древнехорватских чакавских, новочакавских памятниках (см., например, [Kalsbeek 1998: 298]) и штокавских текстах вплоть до современного литературного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 681]. *Футур други* в современном

⁹ Старочакав. *I će bude dobil, pogubit* [Malić 1997: 4];

Штокав. ...и остало покуће подјелили смо им на троје, који **буде преузо**, да један другому исплати [Комар 2009: 170].

сербохорватском, согласно [Vuković 2014], не обязательно маркирует предшествование, а скорее — будущую ситуацию в зависимой предикации: в придаточных условных, определительных и временных.

Таким образом, следует признать, что *старое* славянское второе будущее никогда не было средством чистого таксиса — по крайней мере, в письменную эпоху¹⁰. Едва ли целесообразно отрицать его существенное продвижение в сфере употребления косвенных наклонений, а возможно, и принадлежность к таковым, наряду с кондиционалом. Последний выражает ирреальное условие, образуется симметрично *старому* предбудущему и диахронически также связан с перфектом, только не в будущем, а в прошедшем (о гипотезе происхождения славянского кондиционала из плюсквамперфекта см. [Сичинава 2013: 179–186]).

Сходные идеи о близости славянского предбудущего косвенным наклонениям ранее уже выражали Ф. И. Буслаев, называвший предбудущее *будущим временем условного наклонения* [Буслаев 1869: 144–146], а примерно сто лет спустя — П. Выскочил [Vyskočil 1956: 260–261]. Однако их мнение не нашло поддержки среди славистов. К недавним попыткам говорить о втором будущем как о *предположительном наклонении* относится описание этой конструкции в древненовгородском диалекте А. А. Зализняка [Зализняк 2004: 606]. Странники этой же концепции есть и в сербском и хорватском языкознании. К таковым, к примеру, принадлежат А. Мусич и М. Стеванович, автор грамматики современного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 694].

4. В значении **следования в будущем** славянское второе будущее употребляется существенно реже, чем в условном протазисе. Обычно, хотя и не всегда (22), это **аподосис условного предложения**. Если в протазисе предбудущее маркирует реальное (потенциальное) условие, то в аподосисе — реальное (потенциальное) следствие¹¹:

(20) Старосл. Ѧште на то створнмъ, Владыкы **подражалн вждѣмъ**. ‘Если мы это совершим, [то тем самым] мы **подражали** Владыке’ [Супр.: 379, 11];

(21) Древнерус.: Ѧще лн намъ сѡдолѣють, женамъ **воудоуть сѡдолѣан**. ‘Если они нас одолеют, **овладеют** нашими женщинами’ [(Александрия) НКРЯ];

(22) Древнечешск. ...*máš umřieti, i budeš pykal*. ‘Ты должен будешь умереть и **будешь страдать**’ Hod. 84b [Gebauer 1958: 427].

¹⁰ Ср. схожие гипотезы о плюсквамперфекте с вспомогательным *был*-в работе [Сичинава 2013: 187–203].

¹¹ Обращает на себя внимание сходство с плюсквамперфектом, для которого типологически свойственно «употребление в гипотетических конструкциях со значением ‘ирреальное (контрфактивное) условие’» [Там же: 33].

Употребления такого рода кажутся наиболее вероятными источниками реграмматикизации предбудущего в обычное неретроспективное будущее, которое имело место в истории целого ряда славянских языков (и некоторых неславянских: в латыни и далматинском, см. [Holtus et al. 1989: 523]; о грамматикизации предбудущего в неславянских языках Европы см. также [Пенькова 2018]). В [Пенькова 2016; 2017] реконструируется следующий путь семантического переосмысления предбудущего в аподосисе условной конструкции: 'результативность в будущем' → 'вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. Эта модель, однако, не объясняет, за счет чего могла вырасти частотность прежде маргинального в узусе предбудущего и, в особенности, его неретроспективных употреблений. Рассмотрим данные славянских языков и попробуем дать ответы на эти вопросы.

Форму аналитического будущего времени, формально соответствующую праславянскому предбудущему, имеют современный польский, кашубский, кайкавские говоры, карпаторусинский (на основании данных РК можно с уверенностью говорить в этом отношении только о говорах на территории Венгрии и Польши), западноукраинские говоры и словенский. Если для карпаторусинского и западноукраинского можно также предполагать влияние польского языка (хотя не исключено и самостоятельное развитие), то для остальных идиом требуются объяснения иного характера.

Во всех перечисленных языках, кроме словенского, перифраза футурума с *l*-формой (будем называть ее L-перифраза) употребляется только для глаголов НСВ. Это видовое различие между польским и словенским, а также некоторые другие ее особенности в древнепольских памятниках, склоняют некоторых исследователей к предположению, что польская L-перифраза не является прямым потомком праславянского второго будущего, а представляет собой более позднюю инновацию, поскольку аналогичная форма от глаголов СВ в древнепольских источниках (почти) не зафиксирована ([Mönke 1971: 115–123; Właszczak 2014: 186]).

Следует поискать объяснение такому видовому различию, в противном случае придется признать инновацией L-перифразы не только в польском и кашубском, но и в кайкавском наречии сербохорватского, которое генетически близко именно словенскому.

Показательным является существование во многих из названных идиом двух форм аналитического будущего¹², имеющих общий вспомогательный глагол: L-перифразы и конструкции с инфинитивом (будем называть ее INF-перифразой). Таковы польский и кашубский (в

¹² Возможны и другие аналитические способы выражения будущего, однако здесь мы их не учитываем.

последнем наличие INF-перифразы, скорее всего, является заимствованием из польского [Andersen 2006]). Кроме того, в древнечешском, в истории кайкавского, чакавского и штокавского наречий конкуренция данных конструкций также засвидетельствована. В старокайкавском и в старочакавском обе перифразы образовывались как от имперфективных, так и от перфективных глаголов. В штокавских памятниках XVII–XIX вв. INF-перифраза также зафиксирована от глаголов СВ/НСВ.

Такое же видовое безразличие INF-перифразы отличает и сербо-лужицкие языки. Его принято связывать с немецким влиянием [Там же: 16]. Как же в таком случае следует объяснять аналогичную ситуацию в сербохорватских говорах и, напротив, только НСВ глаголов в INF-перифразе в древнечешском, польском и кашубском, также находившихся под сильным немецким влиянием? По-видимому, только лишь языковыми контактами объяснить такие различия едва ли возможно.

Описывая аналитические формы глагола в славянских языках, В. Г. Гак замечает, что «один из языков может показывать, что было в прошлом у другого, или, наоборот, предсказывать, что может ожидать в другом языке» [Гак 1997: 48–49]. Возможное объяснение ситуации в польском могут дать диахронические и микродиахронические изменения в сербохорватских говорах. L-перифраза от глаголов СВ и НСВ представлена в современных северно-кайкавских говорах, граничащих со словенским, тогда как в других разновидностях кайкавского наречия она образуется только от глаголов НСВ [Andersen 2006: 20]: формы СВ вытеснены перфективным презенсом. INF-перифразы в современной кайкавщине отсутствуют, однако фиксируются в старокайкавском как от глаголов НСВ, так и СВ [Karpetanović 2013]. То же отсутствие видового ограничения в обеих перифразах имело место в истории чакавского и штокавского наречий.

В современном литературном сербохорватском языке, в основе которого лежит штокавское наречие, ситуация во многом начинает сближаться с ситуацией в кайкавских диалектах: INF-перифраза утрачена, а *футур други* здесь употребляется преимущественно от глаголов НСВ (структуры с l-формой от глаголов СВ встречаются только в 11% случаев, по данным Хорватского национального корпуса [Vuković 2014]). Предбудущее при этом не обязательно маркирует именно предшествование, а скорее — просто будущую ситуацию в зависимой предикации (см. также выше).

Важной особенностью сербохорватских говоров является также то, что обе конструкции (L-перифраза и INF-перифраза) ограничены в основном зависимыми предикациями, прежде всего условными, временными и определительными, ср. пример с INF-перифразой и контексты 16–18 выше:

(23) Старочакав. *Ako ti pravo ova virovati budeš... On hoće napraviti sve zgrišenje I krivice tvoje*. ‘Если ты **будешь** правильно **веровать**, Он [Бог] простит твою вину и все прегрешения твои’ [Zima 1887: 247–264].

Итак, в условных и определительных придаточных конструкции от глаголов СВ конкурировали с перфективным презенсом. Такая конкуренция могла привести к тому, что L-перифразы СВ постепенно вытесняются перфективным презенсом¹³. Это подтверждается данными истории кайкавского наречия и ситуацией в современном сербохорватском. Более того, контекстная синонимия предбудущего от глаголов СВ, перфективного презенса и INF-перифразы СВ, с одной стороны, и L- и INF-перифраз НСВ в условном протазисе, с другой стороны, могли способствовать тому, что предбудущее утрачивало ретроспективный компонент, так как идея предшествования условия следствию уже присутствует в самом условном контексте, а форма, маркирующая предшествование (L-перифраза от НСВ), оказывается эквивалентна форме без показателя предшествования — INF-перифразе от глаголов НСВ. Ср. примеры, в которых предбудущее от глаголов СВ функционально эквивалентно перфективному презенсу, а формы предбудущего от глаголов НСВ — INF-перифразе от имперфективных глаголов):

(24) Кайкав. *Jako ti jozdravim, moja luba bodeš*. ‘Если я тебя **исцелю**, моей супругой станешь’ [Там же];

(25) Кайкав. *Ti baba, ako ne budeš moje brate nazaj oživila, onda moj cucek bude tebe zaklal*. ‘Ты, баба, если обратно не **оживишь** моего брата, то мой пес тебя загрызет’ [Там же];

(26) Штокав. *Kouja* [так в изд.!] *буду судити... што јесам чинио...* ‘Которые **будут судить**... то, что я делал’ [Комар 2009: 122];

(27) Штокав. *Koji bude... судио потље 1741 года да један другоме исплати...* ‘Кто **будет**... **судить**... после 1741 года, что один другому заплатил...’ [Там же: 197].

Такую эволюционную модель можно предположить и для польского языка: конкуренция с презенсом совершенного вида привела к выходу из употребления форм будущего с *l*-причастием и инфинитивом от глаголов совершенного вида еще в дописьменную эпоху. Тем более что примеры L-перифразы с СВ в старопольских памятниках sporadически также встречаются [Mönke 1971: 115–123].

Таким образом, только лишь конвенционализацией имплицатуры в аподозисе (см. выше) эволюцию ретроспективного будущего в неретроспективное объяснить нельзя. Очевидно, существенную роль в этом процессе сыграла контекстная синонимия с перфективным презенсом и INF-перифразой.

¹³ Видовая специализация может быть характерна и для славянского плюсквамперфекта, см. [Сичинава 2018].

Еще одним фактором, способствовавшим такому переосмыслению предбудущего, могло быть сохранение *л*-формой атрибутивности. Атрибутивные употребления *л*-форм в древнерусских памятниках описаны М. В. Скачедубовой [Скачедубова 2016]. Наглядно эту особенность *л*-причастий показывает пример А. А. Потебни из Изборника 1073 г., приводимый в указанной работе. Здесь к одному глаголу-связке относятся одновременно *л*-форма, образующая с ним предбудущее, и два имени прилагательных: аште **вждеть** кѣто **старъ** нан **немоштьнъ** н **отънемогъса** ... [Там же: 82]. Следы такого архаичного значения *л*-причастий есть и в других славянских языках, и за их пределами (см., например, о чешских и старопольских образованиях на *-ly* — соответственно [Кореєнѹ 1958; Klemensiewicz 2015: 115]).

Косвенным подтверждением этому тезису может служить исходная ситуация в старославянском. Согласно [Плунгян, Урманчиева 2017], старославянский перфект имел не результативную, а характеристивную семантику, носителем которой являлось *л*-причастие, участвовавшее и в образовании предбудущего. Кроме того, переосмысление предбудущего в неретроспективное будущее в славянских языках могло подкрепляться влиянием конструкций с связкой *bqđq* при страдательных причастиях на *-n/-t*, которые имеют другую интерпретацию.

5. Модально-эвиденциальные употребления второго будущего весьма разнообразны и должны стать предметом отдельного внимательного исследования и описания, которое невозможно вместить в рамки одной небольшой статьи. Это употребления в значении предположения по отношению к событиям плана прошлого. Большинство контекстов можно отнести к **презюмтивным**¹⁴, поскольку говорящий, очевидно, не является свидетелем этих событий, но лишь предполагает, что они имели место, на основании своего опыта, логического вывода или других знаний:

(28) Древнерус. Сїюу, аще члвк въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помнлун его... оубожество **прнпудило** н **будеть** ‘сын, если человек в бедности украдет, то помилуй его... **должно быть**, нищета **вынула** его’ (Пов. об Акире, 83) [НКРЯ];

(29) Древневосточноболг./древнесерб. **Вндѣлн воудете** дѣски ледны по морю пловоуше н врѣхоу нхъ снѣгъ лежець? **Наверняка вы видели** ледяные доски, плывущие по морю, и на них лежащий снег?’ [Шестоднев IV: 421];

¹⁴ Предбудущее в болгарском встречается также в конклюдивных, адмиративных и дубитативных употреблениях и этим сближается с болгарскими эвиденциальными формами (о семантическом спектре последних см. [Макарецв 2013]).

(30) Болг. *Детето е яло нещо зелено. От него ще му е прилошало.* ‘Ребенок ел что-нибудь незрелое. От этого, должно быть, ему стало плохо’ [Маслов 1956: 244];

(31) Чакав. *Nieće se na biti izbudila još.* — ‘Она, наверно, еще не проснулась’¹⁵.

Такие употребления типичны как для *старого*, так и для *нового* славянского предбудущего, однако они отсутствуют в древнечешском и не найдены в древнехорватских чакавских памятниках, а зафиксированы пока только в старославянских, древнерусских, и древневосточноболгарских, а также известны в сербохорватском (только в аппрехенсивных контекстах [Ковачевић 2009]).

О *новом* славянском предбудущем в болгарском, его синонимии с презумптивом перфекта и тенденции к разграничению предбудущего в чисто таксисном употреблении и в модально-эвиденциальном уже шла речь выше. Показательно, что такая же синонимия предбудущего с презумптивом характерна и для румынского языка, в котором презумптив предшествования и предбудущее могут обозначать предполагаемые в прошлом события. Более того, согласно [Haase 1995: 149], структурно более сложная форма презумптива в румынском при этом склонна заменяться на более простое второе будущее.

В других европейских языках, в которых отсутствует грамматализованный презумптив, именно предбудущее является одним из средств выражения презумптивной семантики:

(32) Немец. *Er ist eine recht eigenartige Erscheinung, das werden Sie ja selbst gemerkt haben.* ‘Поистине он уникальное явление, это вы, вероятно, и сами заметили’ [Шендельс 1970: 77].

Можно предположить, что в балканских языках и болгарском в частности с его склонностью к омонимии форм именно модальные употребления будущего второго наряду с такими же употреблениями будущего первого являются основанием, своего рода минимальной парой для формирования парадигмы презумптива. Подобную ситуацию можно наблюдать в новогреческом, в котором частица *θα*, аналог болгарской *ще*, может сочетаться с любыми временными формами для выражения значений, близких к презумптивным. В одном из таких употреблений модальная конструкция с *θα*, как и в болгарском, формально совпадает с предбудущим [Hedin 1995: 250]. Формирование парадигмы презумптива (пробабилитива) с показателем *bići*, согласно мнению М. Бенича, можно наблюдать и в чакавских говорах.

¹⁵ Пример сообщен Миславом Беничем.

Некоторые выводы

В славянских языках предбудущее является очень нестабильным элементом системы. *Старое* предбудущее, унаследованное из праславянского, претендовало на роль предположительного наклонения, практически не имея чисто таксисных употреблений. В этой роли оно конкурировало с презенсом и/или с INF-перифразой, что привело к утрате ретроспективного компонента и превращению в перифразу футурума в части западных и юго-западных славянских языков или к полной утрате в других славянских языках, кроме юго-восточных болгарского, македонского и штокавского наречия сербохорватского.

В болгарском и македонском на месте *старого* возникло *новое* предбудущее, которое структурно и семантически перестроилось под общебалканскую и общеевропейскую модель и, помимо таксисных употреблений, развивает модальные — входит в парадигму конструкций с частицей *ще/ќе/ѓа*.

Старое предбудущее продолжает сохраняться в сербохорватском литературном языке, однако здесь намечаются две тенденции. Первая — утрата ретроспективности — путь, по которому прошли другие юго-западнославянские языки (словенский, кайкавский). Вторая — развитие модальной конструкции *biće + l*, структурно и семантически соответствующей болгарскому предбудущему.

Литература

- Андрейчин 1978 — *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1978.
- Бара и др. 2005 — *Бара М., Каль Т., Соболев А. Н.* Южноарумынский говор села Тулья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München, 2005.
- Буслаев 1869 — *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1–2. М., 1869.
- Войводић 2014 — *Войводић Д. П.* Проблематика развоја футура и његове грамаатикализације у словенским језицима (с посебним освртом на ситуацију у српском, руском и польском). Русе, 2014.
- Гак 1997 — *Гак В. Г.* Типология аналитических форм глагола в славянских языках // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 47–58.
- Герджиков 1984 — *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- ГСБКЕ — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. II. Морфология. София, 1983.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* Система будущих времен в болгарском языке: семантические переосмысления идеи следования // Рабочее совещание по типологии футурально-перспективной семантической зоны 8–10 декабря 2016 года. Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН). СПб., 2016.
- Ковачевић 2009 — *Ковачевић М.* Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. Бр. XIV. 1–2. 2009. С. 65–75.
- Конески 1982 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1982.
- Майсак, Мерданова 2004 — *Майсак Т. А., Мерданова С. Р.* «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. Вып.3. Ирреалис и ирреальность / Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М., 2004. С. 430–455.
- Макарцев 2013 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.
- Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Мирчев 1963 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке. Типология условных конструкций / Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. Спб., 1998. С. 129–160.
- Пашов 1999 — *Пашов П.* Българска граматика. Пловдив, 1999.
- Пенькова 2014 — *Пенькова Я. А.* К вопросу о семантике т. н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении 1 (27). С. 150–184.
- Пенькова 2016 — *Пенькова Я. А.* Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды института русского языка. Вып. 10. М., 2016. С. 475–488.
- Пенькова 2017 — *Пенькова Я. А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt der Slaven. 2017. № 2 (62). S. 247–275.
- Пенькова 2018 — *Пенькова Я. А.* От ретроспективности к перспективности: предбудущее как источник грамматикализации футурума в языках Европы // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 53–70.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект в старославянском. Был ли он результативным? // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 13–56.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2018 — *Сичинава Д. В.* Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков. М., в печати.
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* О некоторых особенностях функционирования *-л*-формы в Ипатьевской летописи // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны

- Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2016. С. 78–83.
- Стевановић 1986 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986.
- Шендельс 1970 — *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Andersen 2006 — *Andersen H.* Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation* / Eksell K., Vinther T. (ed.). Bern, 2006. P. 9–45.
- Andersen 2006(a) — *Andersen H.* Future and future perfect in the Old Novgorod dialect // *Russian Linguistics*. 2006. № 30/1. P. 71–80.
- Błaszczak 2014 — *Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdalski K.* The riddle of «future tense» in Polish // *Future times, future tenses* / De Brabanter, P., Kissine M., Sharifzadeh S. (ed.). Oxford, 2014. P. 165–204.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Ernout 1972 — *Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Paris, 1972.
- Gebauer 1958 — *Gebauer J.* Historická mluvnicka jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.
- Gołąb 1984 — *Gołąb Z.* The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SRF Yugoslavia. Skopje, 1984.
- Haase 1995 — *Haase M.* Tense, aspect and mood in Romanian. // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 135–152.
- Hedin 2000 — *Hedin E.* Future marking in conditional and temporal clauses in Greek // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Dahl Ö. (ed.). Berlin, 2000. P. 329–349.
- Hedin 1995 — *Hedin E.* The tense aspect system of modern Greek // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 233–252.
- Holtus 1989 — *Lexikon der romanistischen Linguistik Bd. III. Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart: Rumänisch, Dalmatisch-Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch* / Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch. (eds.). Tübingen, 1989.
- Kalsbeek 1998 — *Kalsbeek J.* The Čakavian Dialect of Orbanici Near Žminj in Istria // *Studies in Slavic and general Linguistics*. Vol. 25. Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Kapetanović 2013 — *Kapetanović A.* Dijatopijske varijacije starohrvatske književne čakavštine // *Hrvatski dijalektološki zbornik* 18. Zagreb, 2013. S. 163–174.
- Klemensiewicz 2015 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 2015.
- Копецный 1958 — *Копецный F.* Пришедші, zahynuvši — prišly, zahynuly (Príspevek k problému slovanského přičestí l-ového) // *Славянская филология*. Вып. 2. М., 1958. С. 138–163.
- König, Haspelmath 1999 — *König E., Haspelmath M.* Der europäische Sprachbund // *EuroLinguistik. Ein Schnitt in die Zukunft. Beiträge zum Symposium vom 24. bis 27. März 1997 im Jagdschloß Glienicke (bei Berlin)* / Reiter N. (ed.). Wiesbaden, 1999. S. 111–127.

- Křížková 1960 — *Křížková H.* Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině. Praha, 1960.
- Lunt 1952 — *Lunt H. G.* Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
- Migdalski 2006 — *Migdalski K.* The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Ph.D. dissertation. 2006.
- Mönke 1971 — *Mönke H.* Das Futurum der polnischen Verba. München, 1971.
- Movchan — *Movchan Ya.* Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen. [рукопись.]
- Oliveira 1995 — *Oliveira F., Lopes A.* Tense and aspect in Portuguese // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 95–116.
- Rösler 1952 — *Rösler K.* Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. 2. 1952. S. 103–149.
- Squartini 1995 — *Squartini M.* Tense and aspect in Italian // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 117–134.
- Sten 1973 — *Sten H.* L'emploi des temps en portugais moderne. København, 1973.
- Todorović 2007 — *Todorović B.* Prihodnjik v slovanskih jezikih. Magistrsko delo. Ljubljana, 2007.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.
- Vuković 2014 — *Vuković P.* Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 2014. № 61 (3). S. 81–94.
- Vyskočil 1956 — *Vyskočil P.* Staroslověnské сътвориль бждѣ // Slavia. 25. 2. 1956. S. 260–261.
- Zima 1887 — *Zima L.* Ńekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine // Djela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. VII. Zagreb, 1887.

Источники

- Апост.Христ. — «Христинопольский» (или «Городисский») апостол. — Kaľuźniacki Aem. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.
- ЖАЮ — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Комар 2009 — *Комар Г. Ж.* Бока Которска: ћирилски споменци 17. 18. и 19. вијека (Acta Serbica). Херцег-Нови, 2009.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>
- Параллельный корпус русских и болгарских текстов. http://rbcorpus.com/index_rus.php
- НКБЯ — Национальный корпус болгарского языка. <http://search.dcl.bas.bg/>
- РК — Corpus of spoken Rusyn. <http://parasolcorpus.org/Varchola2/index.php>
- Син. Пс. — MSC, Cod. Sin. slav. 3/N. www.manuscripts.ru

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.

Супр. — *Заимов Ё., Капалдо М.* Супрасльски или ретков сборник. Т. I–II. София, 1982.

Шестоднев — *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. I–VII. Graz, 1958.

Malić 1997 — *Malić D.* *Žića svetih otaca.* Zagreb, 1997.